

Подгорных (урожд. Казакова) Анна Павловна

Выселили из избы в телятник зимой 1930 года, я помню зиму. А весной 1931 года нас оправили в Нарым в с. Бундюор. В семье было 10 человек: отец, мать, бабушка с тремя дочерьми и мы – четверо детей. Дед, Казаков Алексей Семёнович сидел в тюрьме 3 года на Енисее. До ареста он в Казахстане купил мельницу. После тюрьмы он приехал в Бундюор и умер через три года.

Из Рубцовска до Томска везли нас в товарном вагоне, до Баранаково на барже, а потом помню ехали по Парбигу на большой лодке. Полуторагодовалый братишка простудился и просил пить, а люди боялись давать ему коричневую воду. Мёртвого брата родители нам не показали.

Когда ехали, то ели сухари. Родители взяли с собой куль сухарей и куль пшена. Мама говорила, что муку делили ложками. В еду добавляли сено, кору, т.е то, что можно было съесть. Жили голодно, но в нашей семье больше никто не умер.

От парома шли пешком (около 200 семей), вещи несли на себе, жили сначала в шалаше, а потом в землянке на три семьи. Землянка представляла собой траншею глубиной около 1 метра, шириной 4м и длиной 7 м. Надземная часть делалась из горелых брёвен. Вокруг было много горелого леса, бревно кололи вдоль, горелой частью ложили наружу, на улицу. Потолки делали наклонные, на потолок насыпалась земля. Кроватей, столов не было. Спали на земле. Дети спали на возвышенном месте пола. При выкапывании траншеи оставляли возвышения для «стола и стульев».

На одной полати спала вся наша семья. Запомнила в нашей землянке Татаринцева. Однажды утром бабушка затопила в нашей землянке печь. В дверь постучали и в землянку вошли мужики в обычной одежде с ружьями. Бабушка заворчала, один мужик с ружьём ударил её. Затем подошёл к отцу, который лежал больной тифом, и начал его трясти со словами: «Притворяешься?». Другой мужик сказал: «Оставь его. Не видишь, что больной...» Что ещё говорили, не помню. Мы, дети, лежали на полати.

Потом всех лебяжьинских мужиков и женщин вывели из землянок и положили на землю по кругу лицом вниз: голова к центру круга, ноги – наружу. Детей и подростков не трогали. Верховые оставили одного караулить лежащих, а сами уехали. Лежащие отпрашивались в туалет и возвращались. Мы не плакали, т.к. не понимали, что происходит. Потом кто-то дал караульному знак и он уехал. Происходило это, примерно, в течение 2–х часов.

Мою тётю 16 лет вместе с другими людьми через несколько дней по прибытию на поселение отправили делать дорогу на с. Бакчар. Они дошли до Крыловки и увидели, что находившиеся там большие амбары-склады грабят какие-то люди. Сопровождающий бригады рабочих-поселенцев приказал им спрятаться, а потом дал указание возвращаться домой.

Для нас, ссыльных, было построено в Бундюоре большое здание. Оно было больницей, лечили больных тифом, все болели. Потом в этом здании располагалась школа. Для ссыльных был выкопан колодец и он работает до сих пор.

До того, как к нам приехали, одного мужчину поставили караулить арестованного коменданта. Мужчина был родом из села Лебяжьего. Увидев военных, мужчина побежал. В него выстрелили и убили. Через несколько дней собака местного жителя принесла обгоревшую руку человека. Она и привела людей к разложившемуся трупу. На месте вырыли яму и лопатами сгребли в неё останки. Семью убитого «караульного» переселили из этой местности. В середине 1960-х я ездила в с. Лебяжье и встретила там дочь убитого «караульного», поговорила с ней. Она меня не помнила, т.к. была старше меня, а я-то её хорошо запомнила.